

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 872-880.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.872
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

National Policy of Nicholas II in the Context of the Formation of Imperial National-State Identity

Viktor V. Titov ^{a,*}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

In the presented study, the effectiveness of the national policy of Nicholas II was studied from the point of view of solving the problems of constructing an imperial-type of national-state identity. The methodology of the work is based on a combination of descriptive, structural and comparative analysis. The theoretical basis of the research is the concept of social identity by G. Tajfel and J. Turner. The author comes to the conclusion that during the reign of Nicholas II, the national policy implemented by the leadership of the Russian Empire did not imply a systemic building of national-state identity. She was distinguished by a diversified, reactive and often situational nature. It was determined by the costs of the modernization process, which contributed to the transformation of the established structure of the social organization of Russian society and the destruction of the «image of the future», which is customary for the masses. The impact of this factor was aggravated by the lack of institutions of mass socialization, suitable for the reproduction of the imperial national-state identity, regardless of the religious or ethnicity of its carriers. Destructive effect on this situation was also exerted by imbalances in the socio-economic development of certain territories of the empire, failures in the foreign policy, a decline in the prestige of the elites and a lack of a collective image of the past. The lack of a relevant reaction on the part of the authorities to the current situation was explained not only by the high rates of socio-economic transformations, but also by the growing scale of external threats, as well as by the expansion of the sphere of economic and cultural expansion on the part of other great powers.

Keywords: Nicholas II, national policy, "national question", national-state identity, Russian Empire.

1. Введение

Национальная политика Николая II традиционно входит в число наиболее обсуждаемых вопросов в рамках дискуссии о развитии России в конце XIX – начале XX вв., что представляется вполне закономерным. Представители большинства научных школ относят национальный вопрос к числу базовых факторов, способствовавших дестабилизации политической ситуации внутри империи.

При этом для темы характерен достаточно высокий уровень политизации. С одной стороны, она привлекает к себе радикальных националистов разной этнической принадлежности, с другой – соответствующая фактура активно используется как для демонизации фигуры Николая II, так и для выстраивания его апологии. В данном случае необходимо подчеркнуть, что сегодня образ этого монарха обрел в массовом сознании во многом символический характер, и потому активно используется для формирования современной общественно-политической повестки.

Последнее закономерно способствовало росту влияния конъюнктуры и социального заказа на процесс изучения национальной политики Николая II, что негативным образом повлияло на достоверность реконструкции системы представлений о соответствующих событиях прошлого.

Рост интереса к обозначенной теме также обусловлен отказом большинства исследователей от попыток использования объективной системы оценки национальной политики Николая II,

* Corresponding author

E-mail addresses: VVTitov@fa.ru (V.V. Titov)

основанной на использовании представлений о закономерностях процесса формирования и воспроизводства национально-государственной идентичности. Обращение к междисциплинарному подходу в данном случае позволило бы интерпретировать исторические факты вне контекста «постправды» и оценить релевантность выбранного политическим руководством империи курса в области национальной политики без учета воздействия таких факторов, как Первая мировая война и революции 1917 г.

Целью представленного исследования является оценка национальной политики Николая II с позиций теории конструирования идентичности.

2. Материалы и методы

Источниковая база данного исследования была сформирована преимущественно за счет привлечения архивных материалов. В частности, при написании статьи использовались документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). В первом случае нами были рассмотрены материалы 2-го и 3-го делопроизводств Департамента полиции Министерства внутренних дел. Во втором случае были привлечены документы, отложившиеся в фондах Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. Также при написании работы были использованы источники личного происхождения – мемуары М. Бок, С.Ю. Витте, Ф.А. Головина, В.И. Гурко, А.И. Гучкова, А.А. Кизеветтера и В.Н. Коковцова (Бок, 1992; Головин, 2006; Гурко, 2000; Гучков, 1993; Кизеветтер, 2001; Коковцов, 1992).

Методология данного исследования выстраивается за счет комбинации дескриптивной, структурной и сравнительной разновидностей анализа. Структурный анализ использовался в рамках факторной операционализации вопроса об эффективности национальной политики. Сравнительный анализ применялся в рамках сопоставления политических практик Российской империи и моделей национальной политики прочих великих держав. Обращение к дескриптивному анализу позволило комплексно отобразить изменение в политическом курсе империи относительно интеграции национальных окраин.

В роли теоретической базы работы выступает концепция социальной идентичности Г. Тэджфела и Д. Тернера. Наиболее значимым в контексте данной работы представляется положение указанной теории о важности формирования ингруппового фаворитизма – целостного и позитивного образа «нас» – как основания конструирования национально-государственной идентичности.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии заявленная тема получила освещение преимущественно в материалах политической публицистики. Опубликованные в данный период работы отличаются, с одной стороны, богатством эмпирической базы, с другой – высоким уровнем политизации (Бородкин, 1905; Гильфердинг, 2009а; Гильфердинг, 2009б; Липранди, 1909; Мессарош, 1897; Мехелин, 1908; Спасович, Пильц, 1903).

В советский период был опубликован широкий корпус работ, напрямую или косвенно затрагивающих тему национальной политики Николая II. Однако соответствующая проблематика исследовалась, как правило, в рамках изучения более широких вопросов. Авторы были вынуждены ориентироваться на официальную идеологию и оценки, данные соответствующим событиям современниками-большевиками. Все это закономерно нивелировало позитивный эффект, связанный с вводом в научный оборот большого объема новых источников (Бурмистрова, 1962; Зайончковский, 1970).

В современный период тема исследовалась во многом в рамках ревизии концепций, выработанных советской исторической школой. Однако далеко не всегда переоценка подходов производилась на основе принципа объективности. Многие авторы выстраивали свои объяснительные модели, основываясь на определенных системах ценностей или исторических мифах. В свет также вышли работы ученых, интерпретировавших соответствующие события с сугубо научных позиций, однако не использовавших концептуальные схемы исследователей, разрабатывавших вопрос о закономерностях формирования социальной идентичности (Баглай, 2016; Боханов, 2006; Горизонтов, 1999; Кисляков, 2011; Миллер, 2007).

4. Результаты

В советский период исследователи были вынуждены тиражировать тезис о сугубо реакционном характере национальной политики Николая II. Как следствие, в историографии был сформирован ряд негативных стереотипов, закреплявшихся посредством акцентирования внимания на ряде решений, принятых властями империи.

Следует признать тот факт, что политическое руководство России в период правления Николая II предприняло ряд решительных мер, ориентированных на интеграцию национальных окраин. В частности, в 1900 г. был запущен процесс перевода делопроизводства в Финляндии на русский язык. Вскоре после этого были расширены полномочия генерал-губернатора Великого княжества Финляндского в плане назначения русскоязычных чиновников на должности, прежде

зарезервированные для носителей финского языка. Была ликвидирована существовавшая отдельно финская армия, а в 1910 г. официальный Санкт-Петербург пошел на унификацию законодательства Великого княжества с общеимперским (Боханов, 2006: 60, 75, 90; Миллер, 2007: 341).

Параллельно генерал-губернатор Варшавский был наделен дополнительными полномочиями с точки зрения контроля над деятельностью католической церкви (Сосновских, 2016: 206). В 1911 г. на территории губерний, населенных преимущественно украинцами, был введен запрет на преподавание в школах на ином языке, кроме русского (Дякин, 1995: 135). Также власти империи сохранили введенные ранее дискриминационные практики в отношении евреев, придерживающихся иудейского вероисповедания (Гильфердинг, 2009b: 281; Зайончковский, 1970: 79).

Однако нельзя игнорировать то, что в ряде вопросов власти пошли на смягчение национальной политики. Так, в 1905 г. был снят запрет на ведение церковных служб и печать богослужебных книг на польском языке. В частных школах среднего звена разрешалось использовать его в ходе преподавания ряда предметов. В начальных школах на территории генерал-губернаторства Варшавского в качестве дополнительных языков преподавания были легализованы польский и литовский (Горизонтов, 1999: 91; Кисляков, 2011: 136).

В остзейских губерниях местные жители получили право открывать частные школы, в которых преподавание осуществлялось на немецком языке. Одновременно кабинет министров дал разрешение на использование в прибалтийских школах латышского и эстонского языков (Баглай, 2016: 799). В 1907 г. в Финляндии был вновь созван сейм, распущенный, впрочем, впоследствии по причине доминирования в его составе левых радикалов (Дякин, 1995: 137). Начиная с 1905 г., крестьяне-католики, проживавшие в Белоруссии и на Украине, получили право приобретать землю в собственность. Важной уступкой национальной интеллигенции стало снятие запрета на издание Евангелия на украинском языке (Дякин, 1995: 139). В 1906 г. правительство пошло на отмену ограничений, затруднявших евреям-иудеям доступ в высшие учебные заведения (Боханов, 2006: 139). С 1907 г. в ряде регионов, на территории которых преобладало мусульманское население (например, в пределах современных Башкортостана и Казахстана), на уровне начальной школы было допущено использование в процессе преподавания национальных языков (Дякин, 1995: 138).

Таким образом, в период правления Николая II центральная власть не реализовывала последовательной и системной политики подавления и ассимиляции инородцев. Действия политического руководства империи, имевшие условно репрессивный характер, не являлись частью связанной политической программы и почти повсеместно сопровождалась либерализацией национальной политики в иных сферах.

Последнее указывает на то, что национальная политика императора отчасти носила диверсифицированный характер, но также во многих аспектах могла рассматриваться как реактивная. Последнее, вероятнее всего, обуславливалось динамикой внешней и внутренней политической конъюнктуры. Политическое руководство империи не могло игнорировать активность как националистических структур различного толка, так и попытки использования их в собственных интересах со стороны Германии, Австро-Венгрии и Османской империи (ГАРФ. Ф. 102. Оп 2. Д. 223. Л. 37; Головин, 2006: 20).

Вопрос об эффективности национальной политики Николая II носит достаточно сложный характер. Ее оценка, как правило, производится с учетом текущей историко-политической конъюнктуры – «постправды» и в отрыве от культурного и интеллектуального контекста соответствующей эпохи. По этой причине осмысление национальной политики Николая II будет производиться нами в междисциплинарном ключе, с позиций комплекса представлений современной науки о закономерностях процесса формирования национально-государственной идентичности.

Последняя являет собой сложный конструкт, объединяющий одновременно несколько символических систем. С одной стороны, она обладает темпоральным выражением, включая в себя дополняющие друг друга образы коллективного прошлого, настоящего и будущего. С другой стороны, в структуру национально-государственной идентичности входят как представления о собственной национально-политической группе, так и о аналогичных сообществах, существующих за ее пределами. При этом ряд образов «чужих» имеют принципиально важное значение, поскольку они позиционируются в качестве «значимого другого»: «врага» (источника угрозы) или «друга». При этом на формирование всех элементов идентичности серьезное влияние оказывает дискурс престижности (Евгеньева, 2012: 28).

Именно за счет него формируются два основных источника генерации идентичности – интрупповой фаворитизм (система представлений о превосходстве собственной социальной группы над прочими) и аутгрупповая дискриминация, в основе которой лежит комплекс негативных стереотипов об иных сообществах, обуславливающих приписывание им более низкого статуса относительно собственной идентичности) (Гречко, 2015: 38).

Представления, формирующие каждый из элементов национально-государственной идентичности, нередко вырабатываются и функционируют в форме социального мифа. То есть, речь идет об объяснительной модели, носящей заведомо упрощенный и потому непротиворечивый

характер. Эти качества обуславливают доступность содержания мифа широким массам населения (Хобсбаум, 2000: 50). Помимо того, мифологический нарратив идентичности тесно связан с его символическим характером. То есть, идентичность транслируется посредством эмоционально насыщенных образов, в рамках которых кодируются определенные смыслы и ценности (Эрикссон, 1996: 21).

Успешная реализация функций любой модели идентичности предполагает необходимость символического конформизма. Последний выражается посредством единства интерпретации символов и унифицированной реакции на них. За счет этого идентичность выступает в качестве ресурса, позволяющего регулировать поведение членов корпорации (Гречко, 2015: 38).

Единство истолкования ключевых образов может быть отчасти обеспечено за счет деятельности институтов, отвечающих за социализацию членов корпорации (например, школы или церкви), либо распространения общего языка или вероисповедания. Таким образом, национальная политика Николая II имела под собой не только ситуативные, но и долгосрочные стратегические основания.

Однако использование указанных инструментов формирования национально-государственной идентичности предполагает выполнение ряда предварительных условий (Эрикссон, 1996: 74). Во-первых, институт социализации должен охватывать в рамках своей деятельности большинство населения. В случае, например, института образования это предполагает необходимость вовлечения в учебный процесс подавляющего большинства детей соответствующего возраста, то есть создания системы всеобщего образования хотя бы в рамках начальной школы. Во-вторых, персонал вовлеченных в работу институтов социализации должен состоять преимущественно из носителей распространяемой идентичности (Гречко, 2015: 42).

Впрочем, даже реализация упомянутых условий не гарантирует однозначного успеха в процессе реализации национальной политики. Характерным примером может служить британский опыт ассимиляции Ирландии. Повсеместное насаждение английского языка в официальном делопроизводстве, сфере образования и отправлении богослужений позволило подорвать в системном уровне влияния гэльского наречия и превратило английский во второй родной язык для населения острова. Однако национальное самосознание ирландцев на этом фоне лишь укрепилось, причем в значительной степени – за счет консолидации вокруг образа врага в лице британских властей. Соответственно, необходимо признать, что даже полноценное приобщение к имперской культуре (в том числе – через заимствование языка) не гарантирует успешной интеграции национальных окраин в случае сохранения значимых символических маркеров, отделяющих сообщества друг от друга (Эрикссон, 1996: 98). Например, в этом качестве могут выступать представления о превосходстве собственного этноса над имперским (или наоборот) на основании стереотипов, провозглашающих первенство определенного народа в плане уровня жизни, образования, интеллекта, маскулинности и т.д. Кроме того, роль фактора дезинтеграции могут играть представления о том, что «своя» имперская нация значительно уступает «чужой», что подразумевает необходимость смены объекта подчинения. Подобными настроениями активно пользовались власти Германии и Австро-Венгрии, продвигая среди населения Польши, Украины, Прибалтики и Финляндии представления о выгодах перехода из-под власти «дикой» России под управление «цивилизованных европейских держав» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 141. Л. 30; Дякин, 1995: 132).

Также роль значимого маркера играют отличия в организации повседневного образа жизни (вплоть до деталей костюма и пищевых привычек) и типовых форм социального взаимодействия. Большое значение имеет образ коллективного прошлого. В частности, представления о русских как традиционном, историческом враге выступали в качестве одного из наиболее существенных препятствий в рамках процесса интеграции польских земель (Боханов, 2006: 139; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 4. Д. 135. Л. 54; Головин, 2006: 17).

Нельзя забывать и о влиянии такого фактора, как наличие либо отсутствие позитивного образа будущего и у элит эпохи правления Николая II, и у основной массы населения России вне зависимости от этнической принадлежности. В немалой степени успехи различных националистических структур в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. были обусловлены тем, что их лидеры сумели предложить массам привлекательный образ будущего, в рамках которого решение насущных проблем конкретного этнического сообщества увязывалось с обретением независимости от России (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 188. Л. 52; Кизеветтер, 2001: 46; Эрикссон, 1996: 112).

На этом фоне становится очевидно, что само по себе распространение русского языка и православия в конце XIX – начале XX вв. не привело к автоматическому укреплению общероссийской национально-государственной идентичности «имперского» типа. В особенности – в свете процесса социально-экономической модернизации общества, который активно протекал в России в рассматриваемый период. Урбанизация, постепенное вытеснение аграрного производства индустриальным, распространение товарно-денежных отношений, разрушение крестьянской общины, углубление социально-экономической дифференциации основной массы населения и постепенный рост масштабов обмирщения ее сознания – все эти факторы способствовали разрушению традиционных моделей самоопределения, выстраиваемых вокруг принадлежности к конфессии, сословию и т.д. Российское общество в тот период бесповоротно вошло в эпоху не только

социально-экономического, но и культурно-политического транзита – противоречивого и неравномерного. Феномен «России разных скоростей» все более ярко проявлял себя во всех сферах общественной жизни, разрушая не только зачатки общероссийской национально-государственной идентичности, но и базовые институты имперской государственности. Более того, следует признать, что указанные процессы во многом – вольно или невольно – стимулировались усилиями верховных властей в рамках стратегии, направленной на экономическую и технологическую модернизацию страны (Боханов, 2006: 117; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 201. Л. 84; Коковцов, 1992: 111).

Наглядной иллюстрацией в данном случае может служить трансформация образа будущего самого массового слоя населения Российской империи – крестьянства. Великие реформы Александра II способствовали слому привычного уклада жизни крестьян, воспроизводившегося без существенных отличий в течение многих поколений. И последующие преобразования, включая аграрную реформу П.А. Столыпина, лишь усугубили глубину разрыва традиции. Как следствие, будущее утратило в глазах крестьян характер стабильной и предсказуемой категории, что породило запрос на новую модель «мифа о будущем», которая давала бы ее носителям надежду на возвращение перспектив в границы прогнозируемого пространства (Бок, 1992: 72; Кизеветтер, 2001: 59; РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1275. Л. 41).

Одновременно в российском обществе в исторически кратчайшие сроки возник новый массовый слой населения в лице промышленных рабочих. Серьезные трансформации переживала и элита: сословная система деления общества все более утрачивала актуальность, что поставило под вопрос существование в привычных формах (и на традиционных позициях) дворянства и купечества. Таким образом, фактически речь шла о частичной маргинализации широких слоев населения, включая часть интеллигенции, в силу чего распадались традиционные формы самоидентификации, включая модели самоопределения на основе этнической, религиозной или сословной принадлежности, но не формировалась новая – общероссийской – модели идентичности (Баглай, 2016: 800).

При этом стратегию национальной политики российских властей в период правления Николая II нельзя оценивать как архаичную. Важно понимать, что в данном случае поле выбора возможных вариантов национальной политики и связанной с ней «политики идентичности» было существенным образом ограничено объективными факторами, ярко проявившимися в этот исторический период. Во-первых, процесс социально-экономических преобразований протекал столь стремительно, что управленческий слой не успевал его отразить. Во-вторых, политическое руководство империи не могло не считаться с позицией широких слоев элиты и высших иерархов церкви, настроенных достаточно консервативно. В-третьих, на внутреннюю политику российских властей свое влияние оказывали как рост угрозы со стороны Центральных держав, так и специфика взаимоотношений с Францией и Великобританией. Как показывал практический опыт, все великие державы в рамках подготовки к «большой войне» почти открыто покровительствовали распространению радикальных форм национализма, используя их в качестве ресурса мобилизации населения и средства управления общественным мнением. Отказ от хотя бы частичного использования данного ресурса автоматически предоставлял соперникам России на международной арене (к числу которых де-факто относились и ее партнеры по Антанте) значимое конкурентное преимущество (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 209. Л. 72; Гучков, 1993: 91).

В то же время выгоды перехода к реализации «сдержанной» национальной политики в ключе реализации потенциала «мягкой силы» были не очевидны (в отличие от вполне осязаемых рисков). Ситуацию усугубляло то, что национальная политика прочих великих держав формировала у российских элит представления о нормах решения соответствующих вопросов, что придавало данной политической модели отчасти «подражательный» и, несомненно, аксиоматический характер (Боханов, 2006: 62; Гурко, 2000: 115).

Важно обратить внимание и на ряд иных конкретно-исторических обстоятельств, влияние которых нивелировали эффективность государственной национальной политики в период правления Николая II. В частности, негативную роль сыграли провалы в области внешней политики. Поражение в войне с Японией, равно как и неудачное для России завершение боснийского кризиса 1908 г., превратились в сопутствующие факторы эрозии имперского самосознания. Ситуацию усугубляло то, что в случае конфликта на Дальнем Востоке Россия проиграла государству, прежде не входившему в число великих держав и потому не воспринимавшемуся как достойный соперник для империи Романовых. Отдельно следует отметить и роль эффекта, порожденного поражением военно-морского флота у Цусимы. Если в ходе большинства сражений на сухопутном театре военных действий российские войска в целом продемонстрировали высокую боеготовность и нанесли противнику ощутимый урон, то Цусимское сражение носило характер разгрома: противник фактически уничтожил российские эскадры, не понеся при этом ощутимого урона. При этом негативный эмоциональный эффект от поражения в войне с Японией усиливало осознание приближения «большой войны» в Европе: представители интеллектуальных и управленческих элит осознавали, что в ходе этого конфликта России предстоит столкнуться с более серьезными противниками, чем Япония, и это во многом перечеркивало претензии империи на повышение своей позиции в

неформальной табели о рангах великих держав. Все это на фоне внутренних волнений, а также отсутствия четкого и позитивного образа будущего естественным образом способствовало снижению престижности имперской идентичности, кризису политики по ее формированию (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 205. Л. 33; Евгеньева, 2012: 31; Дякин, 1995: 138).

На национально-государственное самосознание подданных Николая II также влияли издержки активного проникновения в Россию иностранного капитала. С одной стороны, инвесторы зачастую предпочитали комплектовать управленческий персонал из числа своих сограждан, в силу чего подданные империи занимали подчиненное положение на их предприятиях. Как следствие, процесс инвестирования часто ассоциировался у подданных Николая II с «экономической колонизацией». Представители иностранного персонала на равных общались с представителями российских элит. При этом последние по образу жизни (включая внешние признаки символического характера) куда больше походили на подданных европейских государств, чем на собственных соотечественников, формировавших основную массу населения. Как следствие, правящие слои все чаще воспринимались основной массой населения как «внутренние другие», не готовые защищать национальные интересы России и способствующие экспансии внешних сил. В результате степень консолидации общества вокруг элит естественным образом падала, как и авторитет последних (Евгеньева, 2012: 30; Зайончковский, 1970: 74; Коковцов, 1992: 87).

С другой стороны, иностранные инвесторы предпочитали вкладывать средства в развитие высокотехнологичных отраслей тяжелой промышленности. Последнее порождало негативные стереотипы относительно того, что россияне в силу своего «варварства» якобы не способны самостоятельно осваивать новые технологии. Их тиражирование приводило либо к формированию комплекса национальной неполноценности (т.е. размыванию ингруппового фаворитизма), либо, напротив, провоцировало запрос на «адекватную» (в протекционистском или откровенно «запретительном» понимании) реакцию со стороны властей, отсутствие которой опять же способствовало снижению консолидации общества в силу падения доверия к элитам (Зайончковский, 1970: 99; Коковцов, 1992: 116; Хобсбаум, 2000: 52).

5. Заключение

Соответственно, в период правления Николая II национальная политика центральных властей империи не предусматривала системного выстраивания национально-государственной идентичности «имперского» типа. Она носила диверсифицированный, во многом реактивный, а нередко и конъюнктурный характер. Последнее в значительной степени было обусловлено социально-политическими издержками процесса модернизации, запущенного реформами Александра II, а впоследствии дополнительно простимулированного преобразованиями в области экономики в период правления его преемников. Модернизационная динамика способствовала уничтожению привычной структуры социальной организации и утрате привычного «образа будущего», что стало наиболее очевидно именно в период правления Николая II. Этот фактор налагался на отсутствие системы всеобщего образования и иных институтов массовой «имперской» социализации, способных в рамках своего воздействия полностью охватить макросоциальные группы вне зависимости от их конфессиональной либо этнической принадлежности. Ситуацию также усугубляли серьезные диспропорции в социально-экономическом развитии отдельных регионов империи, соседствующие с отсутствием коллективного образа прошлого (мемориального и символического конформизма).

Помимо высоких темпов социально-экономической трансформации, порождавшей внутривластную нестабильность, формированию имперской модели национально-государственной идентичности также препятствовали рост внешних угроз, политическая, экономическая и культурная экспансия со стороны прочих великих держав.

Неудачи в области внешней политики, издержки проникновения иностранного капитала в российскую экономику, характер ее структуры и отставание от иных держав в плане научно-технического развития способствовали эрозии ингруппового фаворитизма и связанного с ним имперского самосознания, а в случае национальных окраин формировали привлекательные образы «значимого другого» в лице Германии либо Австро-Венгрии. Незавершенность процесса интеграции ряда условно мусульманских регионов, как и мемориальное наследие Кавказской войны и присоединения Средней Азии, также способствовали превращению Османской империи в один из альтернативных полюсов имперской идентичности.

Помимо того, имели место падение авторитета элит и, как следствие, снижение готовности широких масс населения консолидироваться вокруг династии Романовых. Ситуацию усугубляло сохранение множества культурных маркеров, отделяющих представителей правящего слоя от основной массы населения. Роль этого фактора лишь возрастала по мере роста концентрации населения в городах, то есть увеличения численности подданных империи, хотя бы косвенно контактирующих с истеблишментом.

Можно констатировать, что в тот период политическое руководство предпринимало действия, направленные на запуск и упорядочивание процесса формирования национально-государственной идентичности. Однако необходимость купировать внешние угрозы, оппозиция со стороны

консервативно настроенной части общества и во многом деструктивная позиция левых и либералов по отношению к монарху минимизировала эффективность усилий властей.

Литература

- Баглай, 2016** – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II // *Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей*. 2016. С. 798-801.
- Бок, 1992** – Бок М. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992.
- Бородкин, 1905** – Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобринкова. СПб., 1905.
- Боханов, 2006** – Боханов А.Н. Последний царь. М., 2006.
- Бурмистрова, 1962** – Бурмистрова Т.Ю. Национальная политика партии большевиков в Первой русской революции 1905–1907 гг. Л., 1962.
- Витте, 1960** – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гильфердинг, 2009a** – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168-251.
- Гильфердинг, 2009b** – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.
- Головин, 2006** – Головин Ф.А. Николай II // *Николай Второй. Воспоминания. Дневники*. М., 2006. С. 11-25.
- Горизонтов, 1999** – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.
- Гречко, 2015** – Гречко П.К. К вопросу о национально-государственной идентичности // *Ценности и смыслы*. 2015. № 5 (39). С. 36-46.
- Гурко, 2000** – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Гучков, 1993** – Гучков А.И. А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.
- Дякин, 1995** – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.
- Евгеньева, 2012** – Евгеньева Т.В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // *Ценности и смыслы*. 2012. № 5 (21). С. 27-36.
- Зайончковский, 1970** – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- Кизеветтер, 2001** – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Кисляков, 2011** – Кисляков А.С. Формирование национальных партий на западных окраинах Российской империи. Конец XIX – начало XX в. // *Вопросы истории*. 2011. № 11. С. 135-143.
- Коковцов, 1992** – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т. 2. М., 1992.
- Липранди, 1909** – Липранди А.П. Финляндский вопрос. СПб., 1909.
- Мессарош, 1897** – Мессарош П.И. Финляндия – государство или окраина? СПб., 1897.
- Мехелин, 1908** – Мехелин Л. Разногласия по русско-финляндским вопросам: критический обзор. СПб., 1908.
- Миллер, 2007** – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // *Национализм в мировой истории*. М., 2007. С. 332-350.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сосновских, 2016** – Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 205-207.
- Спасович, Пильц, 1903** – *Россия и ее западные окраины*. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском / Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903.
- Хобсбаум, 2000** – Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47-62.
- Эрикссон, 1996** – Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

References

- Baglai, 2016** – Baglai, S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III i Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholas II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798-801. [in Russian]
- Bok, 1992** – Bok, M.P.A. (1992). Stolypin: Vospominaniya o moem ottse [Stolypin: Memories of my father]. M. [in Russian]
- Bokhanov, 2006** – Bokhanov, A. N. (2006). Poslednii tsar' [The Last Tsar]. M. [in Russian]
- Borodkin, 1905** – Borodkin, M.M. (1905). Iz noveishei istorii Finlyandii. Vremya upravleniya N.I. Bobrikova [From the recent history of Finland. Time management N.I. Bobrikov]. SPb. [in Russian]

- Burmistrova, 1962** – *Burmistrova, T.Yu.* (1962). Natsional'naya politika partii bol'shevikov v Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. [The national policy of the Bolshevik Party in the First Russian Revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Dyakin, 1995** – *Dyakin, V.S.* (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]
- Erikson, 1996** – *Erikson, E.* (1996). Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. M. [in Russian]
- Evgen'eva, 2012** – *Evgen'eva, T.V.* (2012). Istoricheskaya pamyat' i natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' v sovremennoi Rossii [Historical memory and national-state identity in modern Russia]. *Tsenosti i smysly*. 5(21): 27-36. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Gil'ferding, 2009a** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Pol'skii vopros [The Polish Question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., 168-251. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009b** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade [Russia and its foreign suburbs in the west]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., 278-295. [in Russian]
- Golovin, 2006** – *Golovin, F.A.* (2006). Nikolai II. Nikolai Vtoroi. Vospominaniya. Dnevnik [Nicholas II]. M. 11-25. [in Russian]
- Gorizontov, 1999** – *Gorizontov, L.E.* (1999). Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (19th – early 20th centuries)]. M. [in Russian]
- Grechko, 2015** – *Grechko, P.K.* (2015). K voprosu o natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti [Grechko On the issue of national-state identity]. *Tsenosti i smysly*. 5(39): 36-46. [in Russian]
- Guchkov, 1993** – *Guchkov, A.I.* (1993). A.I. Guchkov rasskazyvaet... [Guchkov tells...] M. [in Russian]
- Gurko, 2000** – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]
- Khobsbaum, 2000** – *Khobsbaum, E.* (2000). Izobretenie traditsii [Invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*. 1: 47-62. [in Russian]
- Kislyakov, 2011** – *Kislyakov, A.S.* (2011). Formirovanie natsional'nykh partii na zapadnykh okrainakh Rossiiskoi imperii. Konets XIX – nachalo XX v. [Formation of national parties in the western outskirts of the Russian Empire. Late 19th – early 20th century]. *Voprosy istorii*. 11: 135-143. [in Russian]
- Kizeveter, 2001** – *Kizeveter, A.A.* (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914 [At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914]. M. [in Russian]
- Kokovtsov, 1992** – *Kokovtsov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo [From my past]. V. 2. M. [in Russian]
- Liprandi, 1909** – *Liprandi, A.P.* (1909). Finlyandskii vopros [Finland question]. SPb. [in Russian]
- Mekhelin, 1908** – *Mekhelin, L.* (1908). Raznoglasiya po russko-finlyandskim voprosam: kriticheskii obzor [Disagreements on Russian-Finnish Issues: A Critical Review]. SPb. [in Russian]
- Messarosh, 1897** – *Messarosh, P.I.* (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland – a state or a suburb?]. SPb. [in Russian]
- Miller, 2007** – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii [Russian nationalism in the Romanov Empire]. M., 332-350. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Sosnovskikh, 2016** – *Sosnovskikh, A.V.* (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 1(14): 205-207. [in Russian]
- Spasovich, Pil'ts, 1903** – *Spasovich, Pil'ts*, 1903 – Rossiya i ee zapadnye okrainy. Otveti na ocherednye voprosy v Tsarstve Pol'skom (1903) [Russia and its western outskirts. Answers to regular questions in the Kingdom of Poland]. Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev. [in Russian]
- Vitte, 1960** – *Vitte, S.Yu.* (1960). Vospominaniya [Memories]. V. 3. M. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 1970** – *Zaionchkovskii, P.A.* (1970). Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the 19th century]. M. [in Russian]

Национальная политика Николая II в ключе формирования национально-государственной идентичности

Виктор Валериевич Титов ^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. В рамках представленного исследования изучена эффективность национальной политики Николая II с точки зрения решения задач по конструированию национально-государственной идентичности имперского типа. Методология работы построена на сочетании дескриптивной, структурной и сравнительной разновидностей анализа. В качестве теоретической базы исследования выступает концепция социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера. Автор приходит к выводу, что в период правления Николая II национальная политика, реализуемая руководством Российской империи, не предполагала системного выстраивания национально-государственной идентичности. Ее отличали диверсифицированный, реактивный и зачастую ситуативный характер. Последнее детерминировалось издержками процесса модернизации, развитие которого способствовало трансформации устоявшейся структуры социальной организации российского общества и уничтожению привычного для широких масс «образа будущего». Воздействие этого фактора усугубляло отсутствие институтов массовой социализации, пригодных для воспроизводства имперской национально-государственной идентичности вне зависимости от религиозной или этнической принадлежности ее носителей. Дополнительное деструктивное влияние на данную ситуацию оказывали также диспропорции в социально-экономическом развитии отдельных территорий империи, неудачи в области внешней политики, падение авторитета элит и дефицит коллективного образа прошлого. Отсутствие релевантной реакции со стороны властей на сложившуюся ситуацию объяснялось не только высокими темпами протекания социально-экономических трансформаций, но и ростом масштабов внешних угроз, а также расширением сферы экономической и культурной экспансии со стороны прочих великих держав.

Ключевые слова: Николай II, национальная политика, «национальный вопрос», национально-государственная идентичность, Российская империя.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: VVTitov@fa.ru (В.В. Титов)